

Осознав, что его вызвали встать в наказание, А-Ли нехотя поднялся и, держа в руках деревянную дощечку, монотонно продолжил зубрить. Он не понимал смысла этих строк, но главное было запомнить их, а учитель Дун большего и не требовал.

Видя, что А-Ли наказан, А-Пин собрался и стал внимательнее, слушая, как учитель Дун объясняет смысл стихов. А-Пин подумал: «Благородный муж» — да это же про его старшего брата, Чжуан Яна!

В этот неспешный полдень Чжуан Лань училась вышиванию в комнате матери. Эта наука была для неё слишком сложна. Матушка Чжуан, изящно склонившись над пяльцами, вышивала цветы, а Чжуан Лань, уткнувшись в свою рамку, беспорядочно тыкала иглой. Задумала вышить цветок, а получился бесформенный комок. «Ай!» — тихо вскрикнула она, подняла глаза, увидела, что мать всё ещё поглощена работой, облегчённо выдохнула и засунула в рот уколотый указательный палец.

У матушки Чжуан не было особых увлечений, но когда позволяли силы, она шила детям обувь и одежду. Матушка Чжуан была женщиной тихой, и сыновья её характер переняли, одна лишь Чжуан Лань не походила ни на кого из родителей. Если вдуматься, может, в дядю пошла. А тот был человеком весьма беспокойным.

Облизнув капельку крови на пальце, Чжуан Лань уныло взялась за иголку с ниткой, с тоской думая, сколько же ещё уколов придётся перетерпеть, чтобы научиться, как мать, вышивать красивые цветы. Одна мысль об этом наводила тоску и безнадёгу.

— Иди, погуляй. Только далеко не уходи, — подняла глаза на дочь матушка Чжуан и, увидев её страдальческое выражение лица, поняла, что держать её взаперти — всё равно что в тюрьме сажать.

Услышав эти слова, Чжуан Лань тут же просияла и радостно пообещала: «Не убегу, матушка!» Бросив пяльцы, она вылетела из комнаты словно вихрь.

Матушка Лю покачала головой. Хотя она часто журила Чжуан Лань, всех своих детей она любила одинаково. «Если правда, как говорит Ян, уж характер у неё такой, не переделаешь, — подумала она. — Вырастет — дам побольше приданого, чтобы в семье мужа не привередничали».

Чжуан Лань стрелой вынеслась во двор, окунулась в солнечный свет, потянулась — и мир снова показался ей прекрасным. Во дворе была лишь А-Хэ, перекладывавшая цыплят из клетки в бамбуковую корзину. Прежде жёлтые и пушистые, они теперь обросли серо-коричневым пером и вымахали вдвое. Чжуан Лань присела рядом, подперев щеку ладонью. Она побаивалась мелких пушистых зверушек: любопытно было, но трогать не решалась. Цыплята пищали, а А-Хэ ловко хватала их одного за другим, не промахиваясь ни разу, и пересаживала в корзину.

— Куда ты их?

— На задний двор выпущу, пусть гуляют.

— А, — сказала Чжуан Лань, не выразив желания идти следом. Она знала: выпустишь цыплят на задний двор, глядь — через несколько дней уже большие куры ходят. Всё же самыми милыми были жёлтые цыплятки, но и ели они будь здоров — столько отрубей склевали, конечно, мясо нарастёт, чтобы потом в суп попасть.

А-Хэ понесла корзину с цыплятами за дом, а Чжуан Лань направилась к камелиям. Она знала,

что после полудня брат часто читает у пруда.

И правда: издали заметила возившегося у воды Чжусуня, а за камелиями тут же отыскала и брата.

Чжуан Ян расстелил у пруда бамбуковую циновку, притащил низенький столик и, склонившись над ним, что-то старательно выводил, полностью углубившись в занятие.

Чжуан Лань вдруг не захотела ему мешать. Она постояла вдалеке, поглядела и тихонько ушла.

Покинув двор, Чжуан Лань пошла по каменной тропке к реке. Матушка Чжуан велела далеко не уходить, вот она и бродила поблизости.

Сорвала у дороги голубой вьюнок и прицепила за ухо. Радостно перебежала по деревянному мостику и отправилась к Цюаньцзы.

Цюаньцзы как раз плел у дома клетку для кроликов. Конструкция его была проста до грубости: каркас из бамбука, обшитый прутьями, четырёхугольный, с крышкой, внутри — место и для кроликов, и для сена. Вышло что-то вроде бамбукового ящика.

Когда Чжуан Лань подошла, Цюаньцзы как раз закончил клетку и переселял кроликов.

— Брат А-Хун, откуда кролики-то? — только подойдя, Чжуан Лань увидела двух белых крольчат и очень обрадовалась.

— Купил, — ответил Цюаньцзы, взял кролика за уши и пересадил пушистый белый комочек из корзины в клетку.

— Можно погладить?

— Можно.

Чжуан Лань быстро провела рукой по кроличьей спинке — мягкая. Крольчонок был совсем маленький, чуть больше её ладони.

— Брат А-Хун, я травы для кроликов нарву!

Чжуан Лань с энтузиазмом рванула в траву и принялась её рвать. Рвала что попало и вскоре набрала целый пук. Цюаньцзы проверил сор — вся трава была для кроликов съедобная.

— Раньше кроликов кормила?

— Угу, дома были, только большие, вот такие, — ведь жили-то в деревне, Чжуан Лань много разной живности повидала.

Она положила траву в клетку. Два белых крольчонка, увидев её, оживились и принялись уплетать. Чжуан Лань присела рядом, наблюдать.

— Брат А-Хун, можно я каждый день буду приходить и кроликов кормить?

— Можно, — подумал Цюаньцзы: она и так чуть ли не каждый день на западный берег бегаёт, поросят посмотреть.

Но на западный берег приходили не только Чжуан Лань. В тот день после полудня, как только

учитель Дун, закончив уроки, покинул дом семьи Чжан, А-Пин и А-Ли тут же помчались к озеру, наперегонки. Перебежав по деревянному мостику на западный берег, принялись кричать издалека: «Брат Хун!»

Цюаньцзы иногда учил их стрельбе из лука во дворе дома Чжуан, а иногда здесь, на западном берегу.

Западный берег был открытым местом. Для тренировок Цюаньцзы приносил глиняный кувшин и ставил на землю. Чтобы стрелы, попав в кувшин, не выскакивали, он насыпал внутрь песка. А-Пин и другие соревновались, у кого больше стрел окажется в кувшине, тот и победил. Чжуан Ян как-то раз увидел это, рассмеялся и сказал, что это похоже на игру «тоуху», спросив, кто это придумал.

Дети соревновались в стрельбе, а взрослые приходили поглазеть — выходило очень оживлённо.

Из троих детей лучшим стрелком был А-Ли, потом Чжуан Лань, а замыкал А-Пин.

Они стояли в десяти шагах от кувшина. А-Ли из десяти стрел попадал пять — очень даже неплохо.

Дети вытащили из кувшина свои стрелы и стали считать.

— У меня больше всех, вы позади! — радостно заявил А-Ли.

— Хм, а ты брата Хуна не перестреляешь, — фыркнула Чжуан Лань.

— Слышал, этот парнишка ни разу не промахивается.

— Точно, А-Хун, ну-ка покажи!

Зрители наперебой подначивали. В деревне развлечений было мало, и большинство глазееющих были слугами из семей Чжуан и Чжан.

Цюаньцзы слушал эти возгласы, но показывать своё умение не собирался — не любил он выставляться напоказ.

Лишь когда все разошлись и на западном берегу остался он один, он отмерил от кувшина тридцать шагов, натянул тетиву — и деревянные стрелы одна за другой полетели в цель, ни одна не миновала.

Матушка Лю наказывала Цюаньцзы: на людях не выказывай своего умения. Видимо, считала: в нынешние смутные времена, коли прославится умением стрелять, как раз и заберут насильно, на войну пошлют. Опасения её были небеспочвенны.

Но скрыть умение — задача нелёгкая, и вскоре по всей деревне Чжу стало известно, что парнишка из семьи Лю с западного берега — стрелок хоть куда. Прославившись, он и выгоду получил: местные сорванцы, особенно А-Ти и А-Цзи, больше не смели к нему приставать. Шли мимо по другому берегу — так дрожали, как осиновый лист, боясь, как бы он вдруг не вспомнил старые обиды, не выпустил стрелу — и конец им.

Тихие, мирные дни текли своим чередом.

Цюаньцзы каждый день занимался хозяйством, охотился, рыбачил — и благодаря своим умениям больше не знал голода.

Перед домом сушилось всё больше вяленой рыбы.

Цюаньцзы снял две связки, сложил в бамбуковую корзину — штук двадцать рыб. Матушка Лю дала старую ткань, чтобы прикрыть корзину, и наказала: «Через деревню не ходи, ступай окольной тропой».

Боялась матушка Лю, как бы Цюаньцзы, отправляясь в волость Фэн, не повстречал тётку или двоюродного брата — подерутся ещё. Цюаньцзы шёл с луком за спиной, и она боялась не того, что его обидят, а того, что он кого-нибудь подстрелит.

Цюаньцзы ответил «ладно», подхватил корзину, прихватил с собой бобовую лепёшку и отправился в путь. Шёл он к озеру Фэн навестить дядю Вана, дорога туда-обратно занимала больше часа.

Окрестности озера Фэн были пустынные, кроме Хромого Вана, здесь больше никто не жил, место это находилось за пределами поселения волости Фэн.

Ноги у юного Цюаньцзы были быстрые, шёл он не останавливаясь и вскоре увидел в зарослях у озера Фэн деревянную хижину. Подойдя к дверям, он обнаружил, что они заперты. «Дядя Ван!» — крикнул он. Из хижины никто не отозвался.

Цюаньцзы толкнул дверь — внутри действительно никого не было, хотя котёл на очаге был ещё тёплый. Приподнял крышку — внутри лишь горячая вода, ничего не варилось. Поставил корзину в доме, снова закрыл дверь. Отправился к озеру Фэн искать Хромого Вана — тот часто охотился там на водоплавающую птицу.

И точно: на берегу озера он увидел знакомую высокую сухопарую фигуру. «Дядя Ван!» — радостно крикнул Цюаньцзы.

Хромой Ван обернулся на голос и, опираясь на посох, быстро заковылял навстречу, взволнованно выкрикивая: «Цюаньцзы?»

Цюаньцзы подбежал и остановился перед ним, сияя улыбкой.

<http://bllate.org/book/15945/1425568>